

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

**О критике г-на Арцыбашева
на «Историю государства
Российского», сочиненную Н.
М. Карамзиным**

«Эта небольшая книжечка одолжена бытием странно-му явлению, которое в конце прошедшего года показалось в «Московском Вестнике». Г-н Арцыбашев с самого появления Истории государства Российского объявил жестокую войну великому творению Карамзина. Он находил некогда приют в «Вестнике Европы», издатель которого не жалуется Истории Карамзина наравне с стихами Жуковского и Пушкина; потом г-н Арцыбашев переносил свои батареи в «Казанский Вестник» и наконец, казалось, замолчал...»

Содержание

***	.0005
Примечания	.0010

**Николай Алексеевич
Полевой**

**О критике г-на Арцыбашева
на "Историю государства
Российского", сочиненную Н.
М. Карамзиным[1]**

***Из сочинений С. Руссова.
СПб., 1829***

Эта небольшая книжечка одолжена бытием странному явлению, которое в конце прошедшего года показалось в «Московском Вестнике». Г-н Арцыбашев с самого появления Истории государства Российского объявил жестокую войну великому творению Карамзина. Он находил некогда приют в «Вестнике Европы», издатель которого не жалуется Истории Карамзина наравне с стихами Жуковского и Пушкина; потом г-н Арцыбашев переносил свои батареи в «Казанский Вестник» и наконец, казалось, замолчал. Вдруг в «Московском Вестнике» пригрели критики г-на Арцыбашева и они явились все вновь и в жестоком выпаде. К удивлению, г-н Погодин, уверяя в почтении к Карамзину, жарко принял сторону г-на Арцыбашева, и г-н Строев, клянясь в преданности Карамзину, присоединился к ним. Здесь оказалось, что литературное мнение у нас существует: публика и литераторы единогласно восстали и с негодованием отвергли подвиги литературного триумvirата; началось писание и — не кончилось еще до-

ныне.

Но незрелость нашей литературы явно оказалась в этом деле. Как безусловно уважали Карамзина, так же безусловно и вознегодовали на покушавшихся против его славы. Всем, что написано доныне против г-на Арцыбашева, что доказано? Ничего. Разве исключая явной улики в неприличии тона, какой принял г-н Арцыбашев в своей критике. Но кто ж этого не видал из самых простых читателей? Стоило ли только на этом остановиться? И видно: что добрая воля у нас есть, но знания дела, охоты и терпения нет.

По-настоящему надобно бы ополчиться против г-на Арцыбашева совсем не так. Самую улику в неприличии тона его критики следовало бы извлечь из положительных доказательств великости труда, совершенного Карамзиным, великости, которую можно доказать во всех отношениях: касательно Истории собственно, касательно истории его как произведения литературного и в отношении археографии, географии, этнографии, генеалогии, даже палеографии. Все это показало бы, что не без отчета творение Карамзина удив-

ляет современников. Да иначе и быть не может, или надобно б было назвать невеждами всех нас, уважающих Карамзина.

Таких доказательств все еще было бы недостаточно. Г-н Арцыбашев основывает свое мнение на доводах: следует *опровергнуть* его доводы. Тогда можно б было удалить укору в ветренности, с какою мы браним и хвалим все, что попадаетеся нам на глаза.

Я решительно не одобряю ни критика, который, не понимая заслуг Карамзина и утверждая много явных неисправностей (например, о слоге Карамзина), пишет неприлично и дерзко; ни журналиста, который хочет помещать критику всякого студента, если в ней будет из десяти замечаний одно дельное; (*Рубль деньги, а гривна разве не деньги?* Вот оправдание г-на Погодина. Признаюсь, что если бы мне принес студент критику на Карамзина с десятиною дельности, то я поступил бы не так, как г-н Погодин. «Милостивый Государь, – сказал бы я, – вот эти девять замечаний у вас пустяки, а это *десятое* дельное. Вы еще очень молоды, и если бы все десять замечаний ваших были справедливы, и тогда не

должно бы вам принимать такого диктаторского бранчивого тона: вспомните, что вы критикуете великого писателя, вспомните слова Квинтилиана, которого, верно, еще в гимназии. Возьмите вашу критику, переделайте, назовите ее замечанием вот об этом предмете, который у вас справедливо изложен, и со всею скромностью напишите, что *ваше мнение* об этом предмете таково; это делает вам честь, а напротив, критика ваша так, как она есть, — чести вам не принесет». Если бы студент рассердился и отнес свою критику к г-ну Погодину, я пожалел бы о нем и посетовал на г-на Погодина, что он балует молодежь.) но в то же время надобно сказать, что у г-на Арцыбашева есть замечания дельные. Отделите пшеницу от плевел и посейте ее в почве соглашения, а плевелы возвейте вихрем улики и отвержения.

Это, кажется, хотел сказать и г-н Руссов, но, к сожалению, не сделал. Главная беда в том, что все его сочинения удивительно не логически составляются и излагаются тяжелым, неправильным языком. Притом он имеет в истории свои предрассудки. И все это тяжеле-

ет и на ответе его г-ну Арцыбашеву.

К чему он доказывает ошибки в прежних сочинениях г-на Арцыбашева и г-на Строева? Разве этим оправдывается Карамзин? Г-н Руссов берет кое-что небольшое из замечаний г-на Арцыбашева и опровергает, пропуская все остальное. Спорить так спорить обо всем: согласимся, где неправ Карамзин, укажем, где неправ критик его и после выведем итог, кто прав, кто виноват вообще. Из 100 страниц г-н Руссов 15 посвящает *Лутинам*, а сказать ли правду? Карамзин тут явно ошибся, хотя эта ошибка ничего не говорит против его заслуг. Искренно желаем, чтобы кто-нибудь с надлежащим знанием дела вступил теперь в посредники между г-ном Арцыбашевым и его противниками. Такой подвиг, конечно, будет заслуживать одобрения каждого благонамеренного соотечественника.

Примечания

В данной статье редактор-издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой берет под защиту критику Арцыбашева, одновременно отметив, что далеко не всегда замечания на нее Руссова являются обоснованными.

Примечания

Впервые: Московский телеграф. 1829. Ч. 25. С. 404—407. Печатается по первой публикации.

[^^^]